

Э. Д. Фролов

ГАМОРЫ И КИЛЛИРИИ

(К оценке социальной структуры и социальной борьбы
в архаических Сиракузах)

История Сиракуз, крупнейшей греческой колонии в Западном Средиземноморье, представляет исключительный интерес по многим причинам. Во-первых, потому, что эта колония была основана на западе одной из первых и по ней можно судить о направлении, масштабах и характере ранней греческой колонизации. Во-вторых, потому, что городу этому суждено было стать важнейшим центром западных эллинов и в классический и эллинистический периоды авторитетно представлять греческий мир во всех областях жизни — в экономике, политике, культуре — перед лицом двух других ведущих народов Средиземноморья — карфагенян и римлян. Но более всего потому, что на примере Сиракуз мы можем изучать социальную структуру и развитие периферийного греческого города-государства, полнота, во всем его своеобразии, обусловленном насильственным внедрением греков в чужеземную среду¹.

Сиракузы были основаны, согласно наиболее авторитетной хронологии, представленной у Фукидида, Пиндара (со схолиями) и Евсевия, а восходящей, по всей видимости, к Антиоху Сиракузскому, в 735 г. до н. э. (Thuc., VI, 3—5; Pind., Ol. II, 93 Boeckh, cum schol.; Schol. ad Pind. Ol., V, 16; Euseb., Chron. II, vers. arm. Karst, p. 182)². Город был основан переселенцами из Коринфа, которых возглавлял Архий, сын Эвагета, из рода Гераклидов (Thuc., VI, 3, 2; Marmor Parium, ep. 31, vs. 47). По преданию, поводом к выводу колонии послужило преступление, совершенное Архием на любовной почве. Он домогался красивого мальчика Актэона, сына Мелисса. Не добившись своего уговорами, он попытался увести мальчика из его дома силой, но Мелисс с сородичами и друзьями воспротивился этому, и в возникшей свалке Актэон погиб. К просьбам несчастного отца отомстить насильнику за смерть сына народ, — очевидно, из страха перед правящей аристократией, к которой принадлежал

¹ История ранних Сиракуз отражена в целом ряде работ, из которых здесь будет достаточно указать на следующие, наиболее важные: Соколов Ф. Ф. Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865, с. 176 сл.; Holm Ad. Geschichte Siziliens im Altertum. B. I. Lpz, 1970, S. 116 ff.; Freeman E. A. History of Sicily. V. I—II. Oxf., 1891 (I, p. 306 ff.; II, p. 1 ff.); Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prag, 1929, S. 43 ff. Wickert L. Syrakusai. — RE, 2. Reihe, B. IV, Hlbd. 8, 1932, Sp. 1478 ff.; Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxf., 1948, p. 8 ff., 48 ff., 95 ff.; Stauffenberg A., Schenk Graf v. Trinakria. Sizilien und Großgriechenland in archaischer und frühklassischer Zeit. München — Wien, 1963, S. 109 ff. В этих трудах можно найти специальные разделы или замечания по интересующему нас вопросу, однако специального исследования о социально-политической структуре и развитии Сиракуз в архаический период до сих пор нет, и это — помимо общего интереса к теме — вполне оправдывает наше обращение к данному сюжету.

² Ср. Ziegler K. Sicilia. RE, 2. Reihe, B. II. Hlbd. 4, 1923, Sp. 2491 ff.

и Архий, — остался глух, и тогда Мелисса, дождавшись очередных Истмийских празднеств, взошел на крышу храма Посейдона, проклял коринфян и, призвав в свидетели богов, бросился вниз на камни. Вскоре Коринф постигли засуха и голод, а когда коринфяне спросили Дельфийский оракул о причине несчастья, Пифия ответила, что они прогневали Посейдона и беды их не прекратятся до тех пор, пока они не отомстят за Актэона и Мелисса. Одним из феоров — членов священного посольства в Дельфы — был Архий, и вот он сразу же, даже не возвратившись в Коринф, отплыл в Сицилию, где и основал Сиракузы (Diod., fr. VIII, 8; Plut., Am. narr. 2, p. 772 c — 773 b).

Эта романтическая история не может претендовать на достоверность, хотя общий колорит ее выглядит убедительно: засилье знати — в Коринфе тогда правил знатный клан Бакхиадов, возводивших свой род к потомку Геракла Бакхиду, самовластные выходки не чувствовавших над собою никакой узды аристократов, робость народной массы, не решавшейся прийти на помощь обиженным, — все это черты, которые на самом деле могли быть присущи социальной жизни архаического Коринфа. Однако, сколь бы верно ни был передан в этой истории общий тон и сколь бы глубоко личными ни были мотивы, подвигнувшие Архия на отъезд в Сицилию, предприятие в целом носило не частный, а публичный характер: оно затронуло значительную часть народа и было организовано самой правящей аристократией³.

Судя по масштабам вновь основанного поселения и скорости освоения переселенцами окружающей территории, в колонию выселилось достаточно большое число коринфян. Согласно Страбону, большая часть была выходцами из сельской местности Теней (Strabo, VIII, 6, 22, p. 380), где, очевидно, рост населения и нехватка земли, помноженные на неблагоприятные климатические условия, создали особенно неблагоприятную ситуацию⁴. Что относительное перенаселение действительно было большой проблемой для архаического Коринфа, подтверждается древним законодательством Фидона (его обычно датируют первой половиной VII в. до н. э.), согласно которому количество земельных наделов — не зависимо от их первоначальных размеров — и соответственное количество граждан должно было оставаться неизменным (Arist., Pol. II, 3, 7, p. 1265b 12—16)⁵. Помимо коринфян, предприятие увлекло и некоторых других дорийцев (ср. Strabo, VI, 2, 4, p. 270), возможно из Аргоса, судя по тому, что материальная культура архаических Сиракуз несет печать некоторого аргосского влияния (вазы аргосского происхождения, а может быть и местные, выполненные в аргосском стиле), а легендарный сиракузский царь или тиран Поллид, о котором речь еще пойдет ниже, был родом из Аргоса⁶.

Вывод колонии в Сицилию был для коринфян частью более широкой и целенаправленной программы освоения Запада. Это видно из того, что по пути в Сицилию часть колонистов во главе с Херсикратом высадилась на Керкире и, прогнав оттуда обосновавшихся там ранее эретрийцев, основала собственную колонию (Strabo, VI, 2, 4, p. 269; об эретрийцах — Plut., Aet. Gr. 11, p. 293 a — b). Несколько позже те, которые уже стали сиракузянами, но, разумеется, не теряли связи и со своей метрополией Коринфом, принимали деятельное участие в основании переселенцами из Ахайи Кротона, а колонистами из Локриды — Локров Эпизефирских (соот-

³ Dunbabin. Op. cit., p. 15.

⁴ Относительно причин и характера колонизации — в более общем контексте, но и с прямой ссылкой на случай с Коринфом — ср. Доманский Я. В. О характере ранних миграционных движений в античном мире. — Археологический сборник (Гос. Эрмитаж), вып. 14, Л., 1972, с. 32—42. Из более старой литературы укажем полезную статью Обри Гвинна (Gwynn A. The Character of Greek Colonisation. — JHS, XXXVIII, 1918, p. 88 ff.).

⁵ Ср. Шишова И. А. Реформы Филолая. — ВДИ, 1970, № 4, с. 68 сл.

⁶ Dunbabin. Op. cit., p. 14 f.

ветственно в 708 и 674 гг. до н. э.; Euseb., Chron. II, vers. arm. Karst, p. 183 и 184; об участии сиракузян — Strabo, VI, 1, 12, p. 262, и 7, p. 259).

Трудно, таким образом, переоценить энергию и последовательность осуществлявшейся коринфянами колонизационной политики, и надо думать, что те, кто ее направлял, — а это были коринфские Бакхиады, — учитывали всю совокупность стоявших перед их городом проблем: необходимость дать отток избыточному аграрному населению и тем разрядить социальную обстановку в Коринфе, необходимость обеспечить условия для широкого развития коринфской торговли, в которой сами Бакхиады если и не принимали непосредственного участия, то все же были весьма заинтересованы как в одном из важнейших источников доходов (см. Strabo, VIII, 6, 20, p. 378)⁷; наконец, необходимость подкрепить и то и другое стратегически надежными опорами, создав посредством цепи собственных и дружеских с ними колоний своего рода мост между Балканской Грецией и Сицилией. Что вывод колоний в Сицилию и на Керкиру носил вполне организованный характер, подтверждается, во-первых, официальным обращением к Дельфийскому оракулу, который был, так сказать, направляющим центром греческой колонизации (как бы ни мотивировалось это обращение в романтическом предании)⁸, а во-вторых, высоким положением самих основателей-ойкистов: оба — и Архий, и Херсикрат — были Гераклидами, причем для Херсикрата прямо засвидетельствована его принадлежность к правящему роду Бакхиадов (Schol. ad Ap. Rhod., IV, 1212 и 1216), и это же с большой долей вероятности можно предполагать и для Архия⁹. Во всяком случае в последующей традиции прочно отложилось представление о том, что Сиракузы были основаны по инициативе коринфского рода Бакхиадов:

Et qua Bacchiadae, bimari gens orta Corintho,
Inter inaequales posuerunt moenia portus.

(Ovid., Metamorph. V, 407—408).

Новая колония в Сицилии была первоначально основана на близко прилегающем к восточному побережью островке Ортигии, откуда Архий, по выразительному свидетельству Фукидида, изгнал местных жителей — сикулов (Thuc., VI, 3, 2 — Σικυλοὺς ἐξέλασας πρῶτον ἐκ τῆς νήσου). Однако довольно скоро — и, возможно, еще при Архии — греческое поселение распространилось и на противоположный сицилийский берег (район так называемой Ахрадины). За заселенным в первую очередь островком закрепилось название Ортигии. Очевидно, он был назван так в честь острова Делоса, который в древности иногда назывался Ортигией (буквально — «Перепелиным островом»). Ведь Делос считался родиной

⁷ Ср. Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения, пер. с 4-го нем. изд. С. А. Князькова. СПб., 1910, с. 56; Dunbabin T. J. The Early History of Corinth. — JHS, LXVIII, 1948, p. 65 f.; Will Ed. Korinthiaka. P., 1955, p. 306 et suiv.

⁸ Разумеется, наша традиция погрешает против истины, заставляя Архия обращаться в Дельфы за советом по поводу вывода колонии одновременно с Мискеллом, будущим основателем Кротона (Strabo, VI, 2, 4, p. 269; Steph. Byz., s. v. Συράκουσαι; Suidas s. v. Ἀρχίας b). Искусственность объединения этих двух ойкистов в одну вопрошающую пару очевидна, однако из-за этого не должно ставить под сомнение самый факт обращения коринфян к Дельфийскому оракулу в связи с выводом колонии в Сицилию (ср. Paus., V, 7, 3, где приводится ответ оракула Архию), равно как и отрицать значение этого оракула в колонизационном движении греков — значение, которое подтверждается целым рядом исторических примеров. Конечно, было бы прямолинейным, как это делал некогда Эрнст Курциус (см. его «Греческую историю», пер. с 4-го нем. изд. А. Веселовского. Т. I. М., 1880, с. 416 сл.), говорить о форменном руководстве греческой колонизацией со стороны Дельф, но и чрезмерное скептическое отношение, укоренившееся в новейшей литературе по примеру Р. Пельмана (ук. соч., с. 62; Bengtson H. Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969, S. 88 f., с указанием более специальных работ), едва ли до конца справедливо.

⁹ Соколов. Ук. соч., с. 180; Freeman. Op. cit., I, p. 572 ff.; Dunbabin. The Western Greeks, p. 14; Stauffenberg. Op. cit., S. 109.

Аполлона и Артемиды — божеств, которым колонисты в первую очередь, наряду с Афиной, соорудили святилища на отбитой у сикулов земле. Что же касается поселения на материке, то оно, возможно, было окрещено по расположенному здесь болоту Сирако, и это название дало имя всему городу в целом, который ввиду его двусоставности стал называться во множественном числе Сиракузами (Ps.-Scymn., 279—282; Steph. Byz., s. v. Συράκουσαι)¹⁰.

Новое поселение с самого начала конституировалось как самостоятельная гражданская община, как автономный полис с характерным для дорийских общин аристократически-земледельческим строем. В самом деле, какие бы соображения ни приводить в пользу торговых интересов, которыми могла руководствоваться при выводе новой колонии в Сицилию правившая в Коринфе аристократия, фактом является ярко выраженный, преимущественно аграрный характер самой этой новой колонии¹¹. Показателен состав первоначальных поселенцев. Верхушку составляли знатные аристократы вроде Гераклида Архия, эпического поэта Бакхиада Эвмела (Clem. Alex., Strom. I, 21, 131) и не названного по имени представителя знатного рода олимпийских жрецов-прорицателей Иамидов (Pind., Ol. VI, 6). Высокое общественное положение этих людей — или, во всяком случае, их отцов — обусловлено было в такой же степени их качеством крупных собственников-землевладельцев, как и их знатностью. Но и масса рядовых колонистов — выходцев из Тенеи — принадлежала к сословию земледельцев, и если на родине им угрожала опасность утратить это свое качество, то за морем, на новом месте, они безусловно рассчитывали поправить свои дела и в полной мере восстановить свое положение людей, владеющих и живущих землею. Что колонисты уже заранее составили корпорацию новых земельных собственников, подтверждается любопытным эпизодом, о котором со слов Деметрия Скепсийского, который, в свою очередь, опирался на свидетельство Архилоха, рассказывает Афиней: один из коринфских колонистов по имени Эфиоп во время плавания за медовой пряжкой продал приятелю свой надел — тот самый, который он по жребию должен был получить в Сиракузах (Athen., IV, 63, p. 167 — τῷ αὐτοῦ συζήτῳ μελιττοῦτης ἀπέδοτο τὸν κλήρον, ὃν ἐν Συρακούσαις λαχὼν ἔμελλεν εἶξιν).

Вся эта масса первоначальных поселенцев составила в Сиракузах корпорацию привилегированных граждан-землевладельцев, за которыми в античной традиции закрепилось название гаморов, т. е. буквально «обладающих долей земли» (дорийская форма γαμόροι соответствует более употребительной аттической γῶμοροι). Эти первопоселенцы, занявшие и разделившие между собою большую и лучшую часть земли, противостояли всем последующим переселенцам именно как особое сословие землевладельцев и граждан по преимуществу. Новым партиям колонистов, или, как их обычно называют в греческой традиции, эпойкам, приходилось по необходимости довольствоваться меньшими и худшими участками земли или же и вовсе, не получив доступа к земле, заниматься сугубо городскими промыслами, которые в античности никогда не пользовались особым почетом. Из этих людей постепенно составила масса простого народа, демоса, чье значение поначалу не шло ни в какое сравнение со значением гаморов и чье недовольство своим ущербным положением должно было стать со временем источником напряженности и смуты в государстве¹².

¹⁰ Ср. Соколов. Ук. соч., с. 182; *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 17, 50, 53, not. 4; *Stauffenberg. Op. cit.*, S. 110.

¹¹ Примат торговых интересов пытается обосновать Т. Данбэбин (*Dunbabin. The Western Greeks*, p. 15; ср. также *Stauffenberg. Op. cit.*, S. 109), однако его доводы не могут поколебать высказанной еще О. Гвинном точки зрения о преимущественно аграрном характере нового поселения (*Gwynn. Op. cit.*, p. 92 f.).

¹² В реконструкции общей схемы социальных отношений в архаических Сиракузах мы следуем Ф. Ф. Соколову и особенно Ад. Гольму. См. Соколов. Ук. соч., с. 188 сл., 194 сл.; *Holm. Op. cit.*, I, S. 145 ff.

Если, таким образом, различия в положении двух групп свободного населения — гаморов и демоса — таили в себе возможность развития в сиракузском обществе серьезного конфликта, то еще более опасным в этом отношении было противостояние — и притом изначальное — двух уже совершенных антиподов: гаморов и киллириев. В самом деле, когда один из античных лексикографов определяет гаморов как людей, «которые трудятся на земле или по жребию получили долю земли, или которые на основе земельного ценза управляют общественными делами» (Hesych., s. v. γαμόροι), то в этом ряду определений собственно лишь второе и третье относятся к сиракузским гаморам, между тем как первое надо отнести на счет их рабов — киллириев.

Существование киллириев (κιλύριοι, κιλύριοι), или калликириев либо килликириев (καλλικύριοι, κιλλικύριοι), как особой категории сиракузских рабов, хорошо засвидетельствовано античной традицией. О них упоминают историки Геродот (VII, 155) и Тимей (FGH 566 F 8), философ-знарок государственного права Аристотель (в «Сиракузской политике» fr. 586 Rose³), лексикографы Гезихий, Фотий, Свида и ряд других авторов. Античная традиция выразительно называет их рабами гаморов, но рабами особого сорта, вроде спартанских илотов, фессалийских пенестов или критских кларотов (сравнение идет от Аристотеля). Очевидно, как и все эти указанные категории (к ним мы могли бы еще добавить тераклейских мариандинов), киллирии были местным, сиккульским земледельческим населением, которое было покорено греческими завоевателями и низведено на положение подневольных работников, прикрепленных к земле и обязанных работать на гаморов. Но при этом, однако, в отличие от обычных покупных рабов, но так же как илоты, они сохраняли возможность жить своими семьями, вести свое хозяйство и, по исполнению положенных повинностей и внесении определенного оброка, распоряжаться оставшимся урожаем по собственному усмотрению¹³.

Порабощению подверглась, по-видимому, подавляющая часть сиккульского населения сиракузской хоры. Относительную свободу сохранили лишь жители очень немногих поселений, расположенных в отдаленных и труднодоступных горных местностях, вроде Гиблы Герейской, локализуемой в районе нынешней Рагузы¹⁴. Остальная масса была вся низведена на положение земледельческих рабов, и этим, очевидно, объясняется их невероятная многочисленность. Древние в один голос отмечали это обстоятельство, которое будто бы даже породило особую поговорку: когда хотелось обозначить огромное число, говорили «больше киллириев» (Zenob., Prov., IV, 54; Suidas, s. v. καλλικύριοι).

При достаточной четкости общих суждений о киллириях неясным, однако, остается самый термин. Древними, возможно по примеру Аристотеля, предлагалась этимология этого термина на основе его второго, более пространного варианта — «калликирии» или «килликирии», где в последней части слова видится греческий корень κύριοι «господа»: «А причина такого их названия состоит в том, что, несмотря на свою разнородность, они сплотились, чтобы напасть на господ» (Zenob., Prov. IV, 54; ср. Phot. и Suid., s. v. καλλικύριοι, где дается ссылка на Аристотеля).

Однако эта этимология — по крайней мере в том виде, в каком она донесена до нас, — страдает незавершенностью: остается необъясненной первая часть слова. Ряд новейших исследователей пытался восполнить этот недостаток, предлагая свои целостные интерпретации термина с учетом возможного значения его первой части: от κέλλειν «гнать» — «прогнавшие своих господ»; от κίλλος = ὄνος, «осел» — «повелители ос-

¹³ Ср. Валлон А. История рабства в античном мире, пер. с франц. С. П. Кондратьева. М., 1941, с. 49; Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. B. 1, Abt. 1, Straßburg, 1912, S. 305 f.; Lotze D. Metaxy eleutherōn kai dulōn. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr. B., 1959, S. 58 f., 75, 79.

¹⁴ Dunbabin. The Western Greeks, p. 107.

лов»¹⁵. Всего лишь вариантом этого последнего предложения надо считать точку зрения Т. Данбэбина, который, справедливо отбрасывая, по примеру Эд. Фримэна и В. Хюттля, удлиненную форму «калликирии» как порождение греческой народной этимологии¹⁶, толкует более краткую и оригинальную форму «киллирии» (в варианте именно *κίλλιριος*) как оскорбительную кличку от *κίλλος* («ослятники») ?¹⁷.

Однако все эти попытки одинаково могут быть поставлены под сомнение именно потому, что в основе слова «киллирии», как указал еще Отфрид Мюллер, может лежать не греческий, а местный, сикульский корень¹⁸. Можно думать, например, как это делает Ад. Гольм, что слово «киллирии» было первоначально названием одного из покоренных греками сикульских племен. Гольм при этом ссылается на одно место из поэмы Нонна «О Дионисе», где о киллириях упоминается именно как о древнем народе наряду с элимами (Nonn., Dion. XIII, 311)¹⁹. Еще одна возможность — и, может быть, самая привлекательная из всех — указана итальянским ученым А. Чечи, который сближает греческое *κίλλιριος* с латинским *culleus*, что значит «кожаный мешок», «мех»²⁰. При этом является возможность не только объяснить термин «киллирии» с позиций древнего итальянского языка, на одном из диалектов которого должны были изъясняться сикулы, но и истолковать его по аналогии с некоторыми другими известными нам у греков названиями земледельческих рабов. Возможно, что киллирии были прозваны так по своей одежде типа какого-нибудь кожуха (причем было использовано именно местное название) — наподобие того, как сикионские рабы были прозваны катонафорами (*κατοναφόροι*) по своей верхней меховой или кожаной одежде — катонаке (*κατωνάκη*)²¹. Что одежда такого типа — «кожухи» — в принципе была характерна для простолюдинов в архаическое время, подтверждается превосходной параллелью, на которую нам указал А. И. Доватур. Это — отрывок из Феогнида, где говорится о социальном перевороте на родине поэта, в Мегарах Нисейских:

Город наш все еще город, о Кирн, но уж люди другие.

Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,

Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
(*ἀλλ' ἀμφὶ πλευρήϊσι δὸρὰς αἰγῶν κατέτριβον*)

И за стеной городской пасса, как дикий олень, —

Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог?

(Theogn., 53—58 Diehl³, пер. В. В. Вересаева)

Эта параллель вдвойне интересна — не только возможным подтверждением бытовой характеристики сиракузских киллириев, но и указанием на сходную социально-политическую ситуацию: ведь и в Сиракузах противостояние аристократии и демоса завершилось — при прямом участии киллириев — победой народа. Поначалу — и довольно длительное время — господствующее положение в Сиракузах безраздельно принадлежало первооселенцам, присвоившим себе лучшую и большую часть земли, поработившим местное население и сплотившимся — перед лицом этих своих многочисленных рабов и в противовес формирующемуся городскому

¹⁵ Мнения (первое — Ф. Велькера, а второе — Геттлинга) см.: *Holm. Op. cit.*, I, S. 397.

¹⁶ Ср. *Freeman. Op. cit.*, II, p. 439; *Hüttl. Op. cit.*, S. 38, Anm. 29.

¹⁷ *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 111, not. 1.

¹⁸ *Müller K. O. Die Dorer*. 2. Aufl. B. II. Breslau, 1844, S. 56.

¹⁹ *Holm. Op. cit.*, I, S. 147 и 397.

²⁰ *Ceci A. Contributo alla storia della civiltà italiana*. — RAL, serie VI, v. VIII, 1932, p. 51.

²¹ Ср. *Lotze. Op. cit.*, S. 58 f.

демосу — в сильное, спаянное сословие аристократов-гаморов. Конечно, эта новая сиракузская аристократия не составляла такой монолитной касты, как спартанцы или фессалийцы. Их положение основывалось много более на реальном богатстве и могуществе, нежели на принадлежности к традиционной родовой организации, и оно не гарантировалось и не страховалось специальными ограничительными законоположениями. Например, как показывает история с Эфиопом, они обладали правом отчуждать свои надельные²², и, следовательно, их слой не был так застрахован от размывания, как сословие спартиатов. И все же их богатство, их вооружение, их сплоченность надолго — почти на два с половиной столетия — сделали их господами в новой захваченной ими стране, и, конечно же, они успели за такой срок обрести собственные традиции и стать — в лице своих потомков — аристократией также и по рождению.

В соответствии с ведущей ролью земледелия и землевладения и авторитетным положением монополизировавших эти виды занятий гаморов политический строй в Сиракузах, если и не с самого начала, то очень скоро — в той степени, в какой рано обнаружилось противостояние слоя первопоселенцев, ставших знатью, последующим эпохам, — должен был стать аристократическим. Общим подтверждением этого может служить свидетельство «Паросской хроники», которая для времени около 600 г. до н. э., когда в Сиракузах нашла себе убежище аристократическая лесбосская поэтесса Сапфо, отмечает: «В Сиракузах же власть держали в своих руках гаморы» (ἐν Συρακοῦσιν αὐτῶν τῶν γαμόρων τὴν ἀρχὴν — *Marin. Par.*, ep. 36, vs. 52). Свидетельство это, разумеется, надо истолковывать не в том смысле, что тогда впервые власть в Сиракузах захватили гаморы, а в том, что они уже давно или все еще ею обладали. Во всяком случае подчеркивание этого обстоятельства хронистом говорит о том, что противоположность между землевладельческой знатью и остальным народом вполне уже обозначилась и строй носил ярко выраженный аристократический характер²³.

С этим свидетельством корреспондируют и указания Аристотеля (*Pol.* V, 3, 1, p. 1303 b 17—26): рассказывая о случившейся в Сиракузах в древнее время (ἐν ταῖς ἀρχαῖς χρόνις) ссоре двух молодых людей, которая повлекла за собой общую смуту в государстве, он отмечает, что они были из числа граждан, исполняющих, или, как лучше было бы толковать это место, могущих исполнять должности (ἐν ταῖς ἀρχαῖς ὄντων), и что эта их ссора расколола надвое всю корпорацию пользующихся гражданскими правами (τοὺς ἐν τῷ πολιτεύματι), что опять-таки предполагает наличие и другой, не обладавшей правами гражданства части народа²⁴.

В нашем распоряжении есть еще ряд свидетельств, позволяющих в какой-то степени воссоздать политическое устройство Сиракуз времени господства гаморов. Ведущую роль в государстве играл какой-то корпоративный орган гаморов, который принимал решения по всем важным вопросам и, в частности, вершил суд. Так, у Диодора гаморы представлены ведущими in concreto судебное разбирательство по делу некоего Агафокла, злоупотребившего общественным назначением (*Diod.*, fr. VIII, 9, 2 — οὗ δὲ γαμόροι ἐκρίναν τὴν οὐσίαν αὐτοῦ δημοσίαν εἶναι κτλ.). Назывался ли этот корпоративный орган советом, как можно было бы заключить со слов Плутарха, рассказывающего в одном из своих сочинений о той же ссоре двух аристократов (*Plut.*, *Praes. ger. geir.* 32, p. 825 c, где разбором дела занимается совет — βουλή), или же собранием привилегированных,

²² На это справедливо обращают внимание: *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 15; *Stauffenberg. Op. cit.*, S. 110.

²³ Ср. *Holm. Op. cit.*, I, S. 147 и 397; *Freeman. Op. cit.*, II, p. 436 f.; *Wickert. Op. cit.*, Sp. 1481.

²⁴ Ср. *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 57; *Доватур А. И. Политика и политии Аристотеля. М. — Л., 1965, с. 286 и прим. 54.*

о котором упоминает Гезихий (Hesych., s. v. ἔσκλητος — ἡ τῶν ἐξέλιων συνάθροισις ἐν Συρακούσαις), — сказать трудно²⁵.

Равным образом трудно решить, какую именно должность исполнял тот Поллид, именем которого позднее обозначали в Сицилии сладкое вино, получавшееся из особого сорта винограда, им впервые пересаженного из Греции на почву Сицилии (Pollux., VI, 16, со ссылкой на Аристотеля [=fr., 585 Rose³]; Hippys Rheg. ap. Athen., I, 56, p. 31 b; Aelian., V. h. XII, 31; Etym. Magn. s. v. βιβλινος οἶνος). В надежности основной части свидетельства о сиракузском правителе Поллиде сомневаться, на наш взгляд, не приходится — она подтверждается высоким авторитетом Аристотеля, который, по всей видимости, касается этого сюжета в «Сиракузской политике»²⁶.

Древнее предание гласило, что Поллид, происходивший, кажется, из Аргоса (об этом упоминается у Поллукса и Афиней), был в Сиракузах царем (так у всех античных авторов) или тираном (выражение более позднего «Большого этимологика»). Истолковывать это свидетельство вместе с Отфридом Мюллером буквально, т. е. в том смысле, что в древнейший период в Сиракузах существовала царская власть героического типа²⁷, по-видимому, невозможно. Трудно себе представить, чтобы коринфские колонисты учредили в основанном ими новом городе царскую власть, между тем как на их родине она была упразднена по крайней мере за 10 лет до вывода колонии в Сицилию (Diod., fr. VII, 9, 5 — за 90 лет до тирании Кипсела, т. е. в 747 г. до н. э.). Но если бы и учредили, то едва ли царем в Сиракузах стал бы кто-либо другой, кроме ойкиста Архия, а между тем о царской власти Архия или его потомков не говорится ни в одном источнике²⁸.

Все сказанное выше о гаморах диктует вывод о существовании в Сиракузах едва ли не с самого начала аристократической республики. Но кем же тогда мог быть Поллид? Ф. Ф. Соколов склонен был считать Поллида чем-то вроде эсимнета, назначенного по общему согласию граждан в период начавшихся смут, — не столько, впрочем, уже между гаморами и демосом, сколько в среде самих гаморов. Соответственно он относил правление Поллида ко второй половине VII в. до н. э., ставя его назначение в связь с какой-то смутой в Сиракузах, приведшей к изгнанию знатного рода Милетидов (Thuc., VI, 5, 1; см. также ниже)²⁹. Со своей стороны Георг Бузольт, а вслед за ним и Г. Свобода и В. Хюттль выдвинули предположение, что Поллид был выборным главой аристократического правительства в начальный период существования Сиракуз, именно был таким же пританом, какой ежегодно избирался в Коринфе при олигархии Бакхиадов (см. Diod., fr. VII, 9, 5; Paus., II, 4, 4) и который засвидетельствовал для ряда коринфских колоний (на Керкире, в Аполлонии, в Эпидамне). При этом — и опять-таки по аналогии с Коринфом, где выборный глава Бакхиадов, как кажется, продолжал величаться царем (см. Nic. Dam., fr. 57, 1 и 6 Jacoby), — была высказана догадка, что Поллид мог также носить царский титул³⁰. Нам кажется, что эта версия с пританом-царем заслуживает предпочтения: предание о Поллиде отдает такую стариною, что лучше было бы отнести правление этого «ца-

²⁵ На свидетельство Гезихия обратил внимание Б. Кейль, который считает возможным отнести упомянутый у лексикографа «эскет» к архаическому времени (Keil B. Griechische Staatsaltertümer. — In: Gercke A. — Norden E. Einleitung in die Altertumswissenschaft. 2. Aufl. B. III. Lpz — B., 1914, S. 347 и 367).

²⁶ Сомневаются: Holm. Op. cit., I, S. 147; Dumbabin. The Western Greeks, p. 93 f. Ср., однако, Соколов. Ук. соч., с. 201 сл.; Freeman. Op. cit., II, p. 8 ff., 431 ff.; Hüttl. Op. cit., S. 44 ff.

²⁷ Müller. Op. cit., II², S. 104 f.; ср. также Freeman, I, с.

²⁸ Ср. Соколов. Ук. соч., с. 201 сл.

²⁹ Там же, с. 203.

³⁰ Busolt G. — Hermes, XXVIII, 1903, S. 318; Swoboda H. Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. Tübingen, 1913, S. 45, Anm. 6; Hüttl. Op. cit., S. 44—46.

ря» к самому раннему времени, когда могущество гаморов было неколебимым и в эсимнетах еще не было потребности, нежели к периоду уже начавшихся смут.

Так или иначе, с единоличным пританом во главе или без него, но господство гаморов в Сиракузах рано стало решающим фактором политической действительности и, разумеется, было надлежащим образом оформлено, приобретя очень скоро черты укоренившегося режима. Однако, сколь бы прочным ни было положение гаморов, жизнь постепенно стала выдвигать перед ними все новые проблемы, которые от десятилетия к десятилетию все труднее становилось разрешать. Главными факторами, создававшими эти проблемы, были непрерывный приток новых колонистов и естественный экономический прогресс, связанный с освоением хоры и развитием городских промыслов. Вехами, которыми отмечено воздействие этих факторов на социально-политическую жизнь Сиракуз, являются вывод дочерних колоний, с одной стороны, и внутренние распри — с другой.

В особенности много проблем создавал, по всей видимости, приток новых колонистов, который должны были стимулировать те социально-политические пертурбации, что охватили Элладу в VII в. до н. э. и привели к падению традиционных аристократических режимов и установлению тираний (в Коринфе, в частности, это случилось в 657 г. до н. э.). Отчасти в силу затрудненности доступа к земле, преимущественным правом на которую, по крайней мере в ближайшей округе Сиракуз, пользовались первопоселенцы, отчасти же ввиду новых возможностей, которые открывало занятие ремеслами и торговлей, эпойки по большей части оседали в городе. За их счет рос демос — свободная, но в силу своей, так сказать, второстепенности лишенная активных гражданских прав прослойка народа. Вследствие своего неполноправного положения слой этот мог стать естественною опорой для происков всяких честолюбцев, а со временем, осознав свою силу — ведь масса и значение городского демоса должны были неуклонно возрастать — и сам мог выступить инициатором переворота³¹.

В ту же опасную для гаморов сторону действовал и общий экономический прогресс, обусловленный отчасти усилиями самих же крупных землевладельцев и проявлявшийся в расширении активно используемой сельскохозяйственной территории, в увеличении производства товарного зерна и других продуктов, предназначенных на продажу, в развитии в этой связи торговли и различных городских промыслов. Естественно, что все это должно было порождать существенные сдвиги в сфере социальных отношений. С одной стороны, экономическое развитие должно было содействовать размыванию сословия гаморов, выделению из него более богатых, реально сохранявших свое значение привилегированного слоя в государстве, и обедневших, чьи амбиции становились источником напряженности и смуты. С другой стороны, экономический прогресс содействовал росту города, а вместе с тем и формированию городского демоса, масса которого непрерывно пополнялась, в особенности за счет новых партий переселенцев из Балканской Греции. Вбирая в себя изгоев всех сортов, но вместе с тем создавая постепенно и собственную, новую, преимущественно денежную знать, город становился средоточием потенциально опасных элементов, которые рано или поздно должны были поднять голову и выступить против засилья землевладельческой аристократии.

Нельзя сказать, чтобы правящая в Сиракузах группировка не ощущала опасности, которая могла исходить от этой скапливавшейся в городе массы, в особенности ввиду возможности для этой массы обрести энергичных лидеров в лице каких-либо аристократов младшей руки, мечтавших

³¹ На принципиальную связь вселения эпойков с развитием внутренних конфликтов в государстве указывал уже Аристотель (Pol. V. 2, 10—11, p. 1303 a 25 — b 3; 5, 6, p. 1306 a 2—4).

поправить свое положение любым способом. Одним из эффективных средств по предотвращению социального взрыва могло быть продолжение колонизационного движения — дальнейшая экспансия в область сикулов и вывод в их земли новых колоний, которые должны были вобрать в себя избытки сиракузского населения. И действительно, следуя примеру своей метрополии, сиракузяне уже два или три поколения спустя после основания собственного города приступили к выводу новых колоний. Разумеется, ближайшими поводами к их основанию служили чисто стратегические соображения — стремление закрепиться на отнятых у сикулов землях, но одновременно могли действовать и более общие побуждения, сводившиеся к тому, чтобы посредством вторичной, или внутренней колонизации избавиться от опасных излишков собственного населения.

В VII в. до н. э. Сиракузы основали целый ряд таких дочерних колоний. В 665 г. в 30 км к западу от Сиракуз, в верховьях реки Анап, была заложена крепость Акры (Thuc., VI, 5,2), и тогда же, если верить Стефану Византийскому, был заложен еще один форт — Энна, вынесенный далеко на северо-запад, в глубь сикульских земель (Steph. Byz. s. v. Έννα). В 649 г. на северном побережье Сицилии при активном участии сиракузян Занклою (будущая Мессана) была основана новая колония Гимера (Thuc., VI, 5, 1), а четыре года спустя в 12 км к западу от Акр, на возвышенности Монте Казале, сиракузянами была заложена еще одна крепость — Касмены (ibid., § 2). Наконец, в 600 г. на южном побережье Сицилии, в устье реки Гиппариса, сиракузянами был основан город Камарина (ibid., § 3; ср. Schol. ad Pind., Ol. V, 16) — самая крупная из сиракузских колоний, которая, в отличие от своих сестер, оставшихся на положении контролируемых сиракузянами крепостей, сразу же обрела статус самостоятельного, хотя поначалу и тесно связанного с метрополией, полиса³².

С основанием всех этих дочерних колоний обозначились главные контуры территории, поставленной сиракузянами под свою власть или контроль. Практически это был весь юго-восточный угол Сицилии площадью около 1500 кв. миль, благодаря чему Сиракузы стали большим полисным государством, уступавшим по своим размерам среди первых греческих полисов лишь Спарте³³. В этой обширной области сами Сиракузы и основанные ими города и крепости возвышались оплотами греческого господства над морем небольших сикульских поселений, население которых было подчинено, прикреплено к земле и низведено на положение рабов, обязанных обрабатывать наделы завоевателей.

Экспансия в сикульские земли, естественно, должна была принести более всего выгоды тем, кто ее направлял, т. е. правящему сословию гаморов. И хотя вывод новых колоний содействовал рассасыванию избыточного сиракузского населения и удовлетворению в какой-то степени аграрных претензий эпойков, богатство и могущество гаморов возросли в еще большей степени, так что следствием должны были стать лишь усугубление противоположности и обострение отношений между землевладельческой аристократией и остальным народом. С достижением сиракузянами к началу VI в. конечных рубежей, — а ими были области других греческих городов — Леонтин на севере и Гелы на юго-западе, — и исчерпанием таким образом доступного их захватам земельного фонда дело неизбежно должно было дойти до широкого социального конфликта. Однако еще раньше обнаружили трещины в самом правящем лагере — эти первые ласточки начинающейся в государстве смуты.

В 649 г. до н. э., как уже отмечалось, какое-то — и, возможно, даже весьма значительное — число сиракузян приняло участие в основании

³² О времени вывода, местоположении и статусе сиракузских колоний ср. *Соколова*. Ук. соч., с. 189—191; *Wickert*. Op. cit., Sp. 1482 f.; *Dunbabin*. The Western Greeks, p. 95 ff.

³³ *Dunbabin*. The Western Greeks, p. 107.

халкидской Занклою Гимеры (Thuc., VI, 5, 1). Это были, по свидетельству Фукидида, представители знатного рода Милетидов, которые, очевидно, вместе со своими клиентами и приверженцами, должны были покинуть родину, будучи побеждены в гражданской смуте своими противниками (*φουκίδες στάσει νικηθέντες*). Что ушедших в изгнание действительно было довольно много, доказывается указанием Фукидида на особенность основанного при их участии города: хотя установления в нем были приняты халкидские, язык сложился смешанным между халкидским (т. е. ионийским) и дорийским. Тем не менее определение выселившихся по одному знатному роду должно служить подтверждением высказанной выше мысли, что конфликт в Сиракузах вспыхнул в среде самой знати, участие других слоев должно было быть пока еще чисто пассивным. Есть соблазн поставить эту первую смуту в Сиракузах в связь с политическими пертурбациями в метрополии сиракузян, в Коринфе, где незадолго до того также вспыхнула смута, завершившаяся падением Бакхиадов, изгнанием их из города и утверждением Кипселидов. Эхо этой революции должно было докатиться и до коринфских колоний, и если у власти в них стояли родственные Бакхиадам кланы, то, возможно, им пришлось испытать неприятности³⁴.

Однако, кем бы ни были побежденные и изгнанные Милетиды, общий аристократический характер сиракузской конституции остался без изменений. Справились гаморы и с другим потрясением, которое случилось, по-видимому, уже на рубеже VII—VI вв. до н. э. Диодор рассказывает, как некий Агафокл, человек, очевидно, знатный и богатый, будучи избран попечителем строительства храма Афины, воспользовался своим назначением и употребил камень, предназначенный для сооружения святилища, на возведение себе — возможно, там же, на Ортигии, где строился храм, — роскошного дома. Разгневанное святотатством божество поразило молнией и спалило дом вместе с несчастливцем, что не помешало гаморам, со своей стороны, учинить посмертное разбирательство дела Агафокла и вынести суровый вердикт. Невзирая на протесты наследников, которые указывали, что Агафокл расплатился за взятый камень из своего кармана, гаморы присудили его имущество к конфискации, а участок из-под дома предали проклятию и запретили кому бы то ни было вступать на него (Diod., fr. VIII, 9).

Таков рассказ Диодора, в достоверности которого нет оснований сомневаться. Свидетельство это очень важно. Напрашивающаяся параллель с акрагантскими тиранами Фаларисом и Фероном, которые тоже начинали со строительных побрядков, а затем укреплялись на акрополе и захватывали власть, — параллель, которая подкрепляется непомерно суровой карой, постигшей Агафокла и его род, — говорит о серьезной политической подоплеке этого дела. Возможно, Агафокл метил в тираны, и гаморам пришлось принять чрезвычайные меры для пресечения подобных поползновений. Приблизительная дата события — во всяком случае его *terminus ante quem* — определяется указанием на строительство храма Афины из камня: очевидно, речь идет об одном из древнейших сооружений на священном участке Афины, на смену которому пришел в начале VI в. до н. э. деревянный храм с керамическими покрытиями, который просуществовал уже до времени Дейноменидов (начало V в. до н. э.)³⁵.

Менее определенно обстоит дело с датировкой еще одного события — тоже из числа внутрисословных распрей, но имевшего более серьезные последствия, — о котором рассказывают Аристотель (Pol. V, 3, 1, p. 1303 b 17—26) и Плутарх (Praes. ger. reip. 32, p. 825 c). Два молодых человека поссорились на любовной почве: один переманил к себе любимого мальчи-

³⁴ Ibid., p. 56 f.

³⁵ Для оценки и датировки дела Агафокла ср. *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 58; *Stauffenberg. Op. cit.*, S. 113.

ка другого, а тот в отместку соблазнил жену обидчика. Оба принадлежали к высшему правящему кругу и своей распрей вызвали раскол в среде активно пользующихся гражданскими правами (этих деталей мы уже касались выше). В результате в государстве произошел переворот (*μετέβαλε γὰρ ἡ πολιτεία*, как сказано у Аристотеля), и политическое устройство потеряло свой сугубо аристократический характер (*τὴν ἀρίστην πολιτείαν ἀνέτρεψαν*, по словам Плутарха). Спрашивается, однако, сколь радикальным был этот переворот и к какому именно моменту в истории архаических Сиракуз его надо приурочить (что дело происходило именно в архаический период — это бесспорно, на это указывают слова Аристотеля: *ἐν τοῖς ἀρχαίοις χρόνοις*).

Ф. Ф. Соколов считал, что эта история никак не отразилась на положении гаморов и что относить ее надо ко времени изгнания Милетидов или «диктаторства» Поллида, которые он, в свою очередь, склонен был сближать друг с другом³⁶. По-видимому, эта точка зрения неверна, ибо она игнорирует прямые указания источников на реальность свершившегося в связи с ссорой двух аристократов переворота. В этом отношении более прав Ад. Гольм, когда он подчеркивает роковой характер начавшейся распри и, признавая серьезность последовавших перемен, ставит их в связь с экономическими успехами Сиракуз в VI в. до н. э. и, в частности, с начавшимся, как считают, около 530 г. чеканом сиракузской монеты³⁷. Гольм, однако, впадает в другую крайность, думая, что власть гаморов уже тогда была свергнута³⁸. Этому противоречит свидетельство Геродота о том, что гаморы были изгнаны в результате совместного выступления демоса и рабов-киллириев в 491 г. до н. э. (Herod., VII, 155)³⁹, — свидетельство, которое естественнее связывать не с попытками гаморов вернуться к власти, как вынужден предполагать Гольм, чтобы свести концы с концами, а с случившимся именно тогда свержением их господства. Конечно, остается еще одна возможность — соотнести эпизод, о котором рассказывают Аристотель и Плутарх, с изложением Геродота и считать, что распря двух аристократов и развязала ту общую смуту, которая завершилась падением власти гаморов и их изгнанием из города в 491 г.⁴⁰ Однако этому противоречат два характерных умолчания: у Геродота — о роковой ссоре молодых людей, а у Аристотеля — о выступлении демоса и киллириев, а главное, как кажется, достаточно еще глубокая древность события, упоминаемого Аристотелем и Плутархом, не позволяющая спуститься ниже VI века.

Итак, мы склонны разделить мнение Гольма относительно времени засвидетельствованного Аристотелем и Плутархом происшествия — VI в. до н. э., точнее, его третья четверть. Что же касается *суущества* вызванных этим происшествием перемен, то его верно разъяснили В. Хюттль и Т. Данбэбин (которые, впрочем, как и Соколов, самое событие относят еще к VII в.)⁴¹: ослабленная внутренними распрями правящая аристократия, чтобы предупредить возможное в этих условиях выступление народа, пошла на компромисс — на включение состоятельных, но не знатных сиракузян, очевидно из разряда эпойков, в сословие гаморов, с предоставлением всех прав и привилегий, что для тех, кто доселе вынужден

³⁶ Соколов. Ук. соч., с. 203 сл.

³⁷ Ср. Boehringер E. Die Münzen von Syrakus. В.— Lpz, 1929, S. 6, 91; Dunbabin. The Western Greeks, p. 62.

³⁸ Holm. Op. cit., I, S. 148.

³⁹ Для датировки события, которое обычно ставят в связь с поражением, понесенным сиракузянами от гелойского тирана Гиппократа при реке Гелор в 492 г. до н. э., см. Dunbabin. The Western Greeks, p. 400 f., 414 f.; см. также ниже.

⁴⁰ Там именно считают: Жебелев С. А. в примечаниях к своему переводу Аристотеля (Аристотель. Политика. М., 1911, с. 216, прим. 1 — к V, 3, 1); Догамур. Ук. соч., с. 286; How W. W. and Wells J. A Commentary on Herodotus. V. II. Oxf. (1912), 1957, p. 194 f. (ad VII, 155, 2); Wickert. Op. cit., Sp. 1483 f.

⁴¹ Cp. Hüttl. Op. cit., S. 48—52; Dunbabin. The Western Greeks, p. 57 f.

был ограничиваться занятиями городскими промыслами, могло означать допуск к земле. Расширенное таким образом сословие гаморов теряло свой исключительный характер и трансформировалось в более широкий слой имущественной знати; соответственно древний, аристократический строй в Сиракузах преобразовывался в то, что в классическое время обычно именовалось олигархией.

Что эта перемена должна была содействовать оздоровлению социальной обстановки и оживлению экономической жизни в Сиракузах — это не требует особых разъяснений. Но столь же очевидно и то, что широкие слои демоса остались неудовлетворенными этой «революцией сверху» и стремились к радикальному перевороту. Он и случился в начале V в. до н. э.

В ту пору Сиракузы вынуждены были вести войну с гелойским тираном Гиппократом. В 492 г. Гиппократ наголову разгромил сиракузян в битве при реке Гелоре, после чего подступил к самым Сиракузам. Гброта гелойский тиран, правда, не взял, но за мир сиракузянам пришлось дорого заплатить: они должны были уступить Гиппократу область Камарины (Herod., VII, 154; ср. Pind., Nem. IX, 39 sqq. cum schol.; Diod., fr. X, 27; Thuc., VI, 5, 3)⁴².

Авторитет и могущество правящей в Сиракузах группировки были резко подорваны, и этим не преминула воспользоваться сиракузская демократия. Напрасно гаморы пытались противопоставить демосу киллириев, даровав им свободу (Diod., fr. X, 25, 3 в истолковании Э. Эндрьюса — Т. Данбэбина)⁴³. Те предпочли получить гражданские права из рук демоса и вместе с ним выступили единым фронтом против гаморов. В 491 г. олигархия в Сиракузах была свергнута, причем киллирии действительно получили гражданские права, а гаморы были изгнаны (Herod., VII, 155; Dion. Hal., Ant. Rom. VI, 62; Zenob., Prov. IV, 54; Hesych., Phot., Suid., s. v. κιλλικόριοι и κιλλικόριοι, со ссылками — у Фотия и Свида на Тимея и Аристотеля, причем у Фотия выразительно сказано о вхождении киллириев в состав гражданства: κιλλικόριοι — οἱ ἀντὶ τῶν γεωμόρων, μέρος καταλαβόντες τοῦ πολιτεύματος)⁴⁴.

Изгнанные из Сиракуз гаморы удалились в Касмены и оставались там в течение ряда лет, ожидая перемены обстоятельств. При этом они могли рассчитывать на непрочность союза между демократами — греками и вчерашними рабами, варварами-киллириями. И если таковы были их расчеты, то они в какой-то степени оправдались. Когда в 485 г. преемник Гиппократа Гелон возобновил, — возможно, по призыву гаморов — наступление на Сиракузы, там, по свидетельству Аристотеля, уже царил беспорядок и анархия (Arist., Pol. V, 2, 6, p. 1302 b 25—33). В этих условиях подступивший к городу Гелон без труда заставил сиракузский демос капитулировать (Herod., VII, 155)⁴⁵.

Вступление гелойского тирана в Сиракузы сопровождалось рядом важных акций, бывших, возможно, следствием широкого социально-политического соглашения⁴⁶. Первым делом были возвращены из изгнания гаморы (Herod., VII, 155). По-видимому, они получили обратно свои земли, но к прежнему исключительному положению возврата не было;

⁴² Ср. *Lenschau Th. Hippokrates* (7). RE, B. VIII, Hbhd. 16, 1913, Sp. 1778; *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 399 ff.; *Stauffenberg. Op. cit.*, S. 171 ff.; *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen*. B. I—II. München, 1967 (I, S. 138; II, S. 598).

⁴³ *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 414, со ссылкой в прим. 3 на мнение Э. Эндрьюса, который отнес указанный пассаж из Диодора к истории Сиракуз.

⁴⁴ Для оценки достигнутого киллириями, равно как и характера и масштабов демократического движения в Сиракузах в целом, ср. *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 414 f.; *Stauffenberg. Op. cit.*, S. 177—179, вместе с примечаниями.

⁴⁵ Ср. *Niese B. Gelon* (3). RE, B. VII, Hbhd. 13, 1912, Sp. 1007; *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 415; *Stauffenberg. Op. cit.*, S. 189; *Berve. Op. cit.*, I, S. 141; II, S. 599.

⁴⁶ *Niese. l. c.*

ни господства над киллириями, ни политической власти у них больше не было. Киллирии, надо думать, сохранили свободу и права гражданства. Судя по тому, что мы более не встречаемся с ними в сиракузской истории, они, должно быть, постепенно растворились в общей массе демоса⁴⁷. Отныне владельцы крупных имений должны были использовать труд обычных, покупных рабов или прибегать к помощи наемных рабочих-батраков. Самый слой крупных землевладельцев, среди которых меньше теперь было старых аристократов и больше выходцев из простого народа, утратил свой исключительный аристократический характер, а вместе с тем, как кажется, и свое древнее название. В дальнейшем, в соответствии с их состоянием и службой в войске, за ними закрепилось название, которым в классическое время обычно именовали высший имущественный слой, — всадники (*oi ἵππεις*). Что же касается демоса, то он, должно быть, сохранил завоеванные в свое время права, но власти более не имел. Политическую власть сосредоточил в своих руках Гелон, который обосновался в Сиракузах и сделал их столицей своей обширной Сицилийской державы.

В заключение подчеркнем главные особенности социально-политического развития Сиракуз в архаический период. Прежде всего надо отметить длительность господства сложившегося из слоя первооседелцев аристократического сословия гаморов, что должно указывать на силу и прочность позиций этого класса в государстве. С другой стороны, бросается в глаза особенная роль и судьба туземных земледельческих рабов-киллириев. В конце концов, примкнув к оппозиционно настроенному по отношению к гаморам сиракузскому демосу, они добились свободы и даже гражданских прав. Более того, именно выступление киллириев придало радикальный характер гражданской смуте в Сиракузах и привело к ниспровержению более чем двухсотлетнего господства гаморов. По этому обстоятельству мы можем судить о массе и силе восставшего класса рабов, которые, впрочем, могли быть сильны не только своей массой, но и тем, что могли опираться на сочувствие и поддержку родственных им по крови свободных сикулов. Напротив, обращает на себя внимание слабость сиракузского демоса, и поздно выступившего, и обязанного победой не столько самому себе, сколько чуждым полису рабам-варварам, и, наконец, неспособного удержать достигнутое: ведь первая сиракузская демократия просуществовала от силы 5—6 лет, не более!

Очевидно, объяснение всем этим особенностям надо искать в своеобразии социально-экономического быта архаических Сиракуз, где земледелие действительно и надолго стало основой основ всей жизни и где роль и значение связанных с этой главнейшей отраслью экономики слоев населения были гораздо выше, чем роль и значение городского демоса. Конечно, по мере роста города сила городских слоев должна была возрастать, и, как мы видели, во второй половине VI в. до н. э. гаморы и в самом деле должны были пойти на уступки состоятельной верхушке демоса. Однако трудно сказать, как развивались бы события без вмешательства киллириев; не случись этого, сиракузское общество, возможно, долго еще стра-

⁴⁷ О судьбе киллириев ср. *Dunbabin. The Western Greeks*, p. 415; *Stauffenberg. Op. cit.*, S. 189, 337 (прим. 6 к гл. 12), 338 (прим. 3 к гл. 13). Более сдержанно судит Г. Берве, который полагает, что Гелон сохранил киллириям личную свободу, но исключил их из гражданского коллектива (*Berve. Op. cit.*, I, S. 142; II, S. 600). Некоторые исследователи не верят и в возможность сохранения киллириями своей свободы при Гелоне и относят их окончательную эмансипацию к гораздо более позднему периоду — ко времени Дионисия Старшего (см. *Scheele M. Strategos autokrator. Staatsrechtliche Studien zur griechischen Geschichte des 5. und 4. Jh. Lpz.*, 1932, S. 28, Anm. 1; *Wentker H. Sizilien und Athen. Heidelberg*, 1956, S. 32), однако этот скепсис представляется нам совершенно неоправданным. Ср. *Фролов Э. Д.* Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979, с. 95, прим. 21, где, впрочем, неудачно сказано, что «о киллириях в античной традиции со времени их выступления вместе с сиракузским демосом против гаморов в самом начале V в. до н. э. (*Herod.*, VII, 155, 2) более не упоминается»; точнее следовало сказать, что о них нет упоминаний применительно к более позднему времени.

дало бы от внутренней напряженности и неурядиц — точно так, как это было в Гераклее Понтийской, где лишь к середине IV в. до н. э. был положен конец гражданским смутам, да и то лишь вследствие установления тирании⁴⁸. В Сиракузах свершившаяся при активном участии киллириев победа демоса положила конец господству гаморов, но непрочность, — возможно, именно из-за его гетерогенности — народного блока и обусловленная этим, а также внешними осложнениями общая неустойчивость политического положения привели к скорому падению демократии, которую здесь сменила тирания. Эта последняя в Сиракузах пришла именно на смену демократии, а не аристократии, как бывало обычно, и потому с самого начала должна была ориентироваться на сотрудничество с землевладельческим классом.

Таким образом, к началу V в. Сиракузы являли собою причудливую картину сложного и своеобразного сплетения различных моментов: укоренившиеся традиции землевладельческо-аристократического строя, неразвитость и слабость полисной демократии, несмотря на это благодаря поддержке порабощенного туземного населения — успех народного движения, неустойчивость нового демократического режима и в этих условиях запоздалое, навязанное скорее извне явление тирании, перед которой стояла трудная задача удержаться в чужом городе, при том еще, что необходимо было блокироваться с землевладельческой аристократией ввиду сомнительной лояльности народной массы. Однако истекли последние годы архаического периода, когда греки по существу были предоставлены самим себе. На сицилийском горизонте сгустились тучи — надвигалась опасность карфагенского вторжения, и Гелон воспользовался этим для утверждения своей власти и своей династии в Сиракузах.

THE GAMOROI AND THE KILLYRIOI

E. D. Frolov

The author discusses the main characteristics of social and economic development in archaic Syracuse. The first characteristic is the centuries-old domination of the community by the gamoroi, an aristocratic group of landowners whose origins probably go back to the first wave of colonists. Another striking feature is the role played by the Killyrioi, first in maintaining, then in destroying the pattern of relations just described. These were local people who worked the land of the gamoroi and were evidently in some sort of bondage to them: Herodotus calls them *douloi* (VII 155,2); Aristotle is cited as comparing them with the helots, *penestae* and *clarotae*. It is safe to say that without the Killyrioi, the principal creators of their wealth, the power and position of the gamoroi would be greatly diminished. And that is indeed what happened when (ca. 490 B. C.) the Killyrioi joined forces with the Syracusan demos and helped it to drive their masters out of the city into exile. Neither the weakness of the demos at the time of the revolt nor the massive contribution made to its success by the Killyrioi can be wholly explained without reference to the structure of Syracusan society in the long period preceding it: the fundamental economic (and ultimately, political) importance of the land, of the people who owned large tracts of it and those who worked it for them a combination which while it lasted was bound to overshadow any opposition offered by the city demos. When the demos finally launched its attack on the gamoroi, the supporting revolt of the Killyrioi was the decisive factor, for it pulled away the very ground from under the ruling group. The gamoroi were soon brought back from exile by Gelon, who took the city for himself. According to Herodotus (VII 156, 2—3), Gelon was partial to the «fat» ones in the cities which came under his rule, and did not love the demos anywhere. But though the gamoroi were returned to Syracuse, politically they were now nothing — subjects of a tyrant. At any rate we hear no more of them, or of their Killyrioi.

⁴⁸ См. Фролов Э. Д. Тирания в Гераклее Понтийской. — В кн.: Античный мир и археология, вып. 2. Саратов, 1974, с. 114—139.